

В. В. Прозоров

Гоголевские темы
в «Свитке»
Н. И. Ульянова

*Н*иколай Иванович Ульянов – историк, прозаик, литературный критик, один из самых видных и благородных деятелей русского литературного зарубежья, – прожил на земле 80 лет. Не стало его в 1985 г., в канун нашей перестройки. В 1994 г., благодаря Вере Александровне Артисевич, директору Научной библиотеки Саратовского университета, энергичной и обаятельной женщине, наделенной от природы исключительным даром общения, мне довелось заочно познакомиться с вдовой Н. И. Ульянова, его верной спутницей в трудных жизненных скитаниях и испытаниях, – Надеждой Николаевной, проживавшей в г. Нью-Хевен (штат Коннектикут, США)¹. Она щедро одарила меня ценнейшими (главным образом, прижизненными) изданиями книг и статей Н. И. Ульянова, в том числе сборником «Свиток» и отдельным оттиском статьи «На гоголевские темы», которую в сопроводительном письме от 10 декабря 1995 г. снабдила собственным комментарием, касавшимся её понимания «излюбленного» смысла работы Ульянова². «Не моё это дело давать оценку тому, что написано Николаем Ивановичем на специальные темы. Скажу только то, что хорошо помнится. Николай Иванович, – писала она, – особенно ревниво относился к творчеству Гоголя. Он признавался, что всю жизнь открывал для себя очень разного Гоголя и дорожил своими наблюдениями над тем, как Гоголь под влиянием Пушкина от своей таинственной славянской мифологии перешёл к “демоническому” Петербургу, хотя и пошёл своею дорогой. Пушкин был Николаю Ивановичу ближе»³. Это ценное уточнение, как мы увидим, подтверждает и статья Ульянова «На гоголевские темы».

Славянская тема и любые связанные с ней перипетии и метаморфозы всегда очень остро интересовали Н. И. Ульянова. В том же сборнике «Свиток» обращают на себя внимание полемические статьи «Мистицизм Чехова», «Комплекс Филофея» и «Шевченко легендарный», каждая из них требует специального исследовательского внимания.

Что касается статьи «На гоголевские темы» (изначально в журнальной публикации у нее был подзаголовок «Кто подлинный создатель “демонического” Петербурга?»), то в историографии науки о Гоголе она до сей поры не отмечена вниманием, которого заслуживает. Статью эту точнее можно определить как вольное литературоведческое эссе, насыщенное разного рода субъективными мемуарно-читательскими и культурно-историческими ассоциациями, параллелями и оценками. Посвящена статья Ульянова доказательству непосредственного творческого влияния, оказанного на Гоголя Пушкиным⁴.

В большой специальной литературе, посвящённой взаимоотношениям двух поэтов, обычно в восторженных признаниях создателя «Вечеров на хуторе близ Диканьки» относительно их личной близости не без основания видится известная доля преувеличения⁵. Попутно вспоминает об этом и Ульянов: «Некоторые исследователи берут под сомнение чересчур большую личную близость Гоголя к Пушкину, но влияние на него гения этого поэта вряд ли может быть оспариваемо. Гоголь не только слушал, но читал Пушкина, и чтение давало ему не меньше, чем личное общение»⁶.

По наблюдениям Ульянова, весь цикл гоголевских «петербургских повестей» («Невский проспект», «Портрет», «Нос», «Шинель») навеян Пушкиным и «вышел из соответствующего цикла пушкинских поэм» (с. 22).

Критик настаивает на том, что указанные повести Гоголя «объединены особым колоритом и какой-то общей нотой, которой нет ни в “Вечерах на хуторе”, ни в “Миргороде”, ни в “Мёртвых душах”, ни в одном из гоголевских произведений, но которую всякий, обладающий литературным слухом, уловит в пушкинских поэмах – в “Медном всаднике”, в “Домике в Коломне”, в “Пиковой даме”». Эти вещи Пушкина тоже «петербургские» (с. 22). В инициативные и авторитетные союзники себе Ульянов призывает А. Н. Бенуа с его иллюстрациями к «Медному всаднику» и признаётся: «А. Н. Бенуа первым навёл на эту мысль... Вглядитесь в эти замечательные эстампы, и вы почувствуете в мистике представленного там Петербурга пушкинское и гоголевское одновременно» (с. 23).

В ряду «петербургских» пушкинских текстов, повлиявших на Гоголя, Ульянов, со ссылкой на публикации П. Е. Щеголева, Н. О. Лернера и В. Ф. Ходасевича, называет и «Уединённый домик на Васильевском» А. С. Пушкина и В. П. Титова (с. 24–26). Автор статьи убеждён и с вдохновенной последовательностью убеждает своих читателей в том, что «не Гоголь, а Пушкин поселил нечистую силу в северной столице», что «он, а не Гоголь – творец inferнального облика Петербурга» (с. 26). Ульянов видит в пушкинском Петербурге и в пушкинском образе Петра Великого восходящий к античным временам отблеск «вечных тайн жизни и мироздания»: и Пётр, и Петербург у Пушкина «страшны именно потому, что прекрасны» (с. 28). Неотъ-

емлемым признаком властной, покоряющей красоты Петербурга был для Пушкина «таящийся в ней яд демонизма» (с. 29). Ульянов пишет о «странном сочетании красоты и ужаса в образе пушкинского Петра» (с. 28).

Заключительная часть статьи посвящается убедительным для автора доказательствам отчётливого пушкинского влияния на гоголевский Петербург. Перед нами разворачивается широкая панорама аргументаций, прежде всего обращённых к пушкинско-гоголевской литературной топографии города на Неве. Речь идёт о созданной фантазией поэтов Коломне, мало что общего имевшей, полагает Ульянов, с реальным районом российской столицы: «Совершенно очевидно, это не простой уголок города, а что-то вроде заколдованного места – обиталище нечисти. Гоголь мог взять любую другую окраину Петербурга – Охту, Аптекарский остров, Пески, Выборгскую сторону, тот же Васильевский остров. Но избрал почему-то Коломну» (с. 30).

Впрочем, ответ напрашивается сам собой: «Это имя прославилось уже под пером Пушкина» (с. 30). Ульянов имеет в виду даже не «Домик в Коломне», но в первую очередь Коломну «Медного всадника». В художественном творчестве, пишет он, «аперцепции и ассоциации редко поддаются рационалистическому осмыслению» (с. 30). В Евгении «Медного всадника» видится ему «ничем не замечательный», «бедный, непритязательный, тихий», «пошлый» человек из Коломны, весь сосредоточенный на мыслях о «семейном гнездышке», которого не волнуют подвиги предков, который не мечтает ни о геройстве, ни о славе (с. 31).

Избыточная выпрямленность подобных рассуждений невольно смягчается таким признанием-воспоминанием Н. Н. Ульяновой в письме ко мне от 26 марта 1996 г.: «Мой муж был в сложных отношениях с некоторой частью эмиграции и не очень-то жаловал тех, кто жил на мещанский лад, забывая своё прошлое, не помышляя о забытой старине (здесь вольная или невольная ассоциация с Евгением из пушкинской поэмы: “Дичится знатных и не тужит / Ни о почюющей родне, / Ни о забытой старине”. – В. П.), о русской истории»⁷.

Во всяком случае, в гоголевской Коломне Ульянову видится «не описание, а некая импрессия» (с. 31). Он приводит известные характеристики петербургской Коломны из повести «Портрет»: взгляд на место, где остановилось само время, куда «не заходит будущее», где «всё тишина и отставка»; обитатели этого края города «бесстрастны... молчат, ни о чём не думая»; в общем, это «самый несчастный осадок человечества» (III, 119–121). «Не удивительно, что именно в эту часть города был поселен ростовщик-дьявол, что здесь, а не в другом месте, мертвец охотился за шинелями. Окраина, населенная “существователями” (Ульянов припоминает известное оценочное слово Гоголя, которым тот в юношеском письме к своему приятелю Г. Высоцкому определял обитателей Нежина. – В. П.), – лучшее место для нечистой силы» (с. 32). Вдохновлённый Пушкиным, Гоголь на свой манер «сочинил это жуткое поселение, придав ему вид нездешнего скопища духовно мёртвых существ» (с. 32).

Вместе с тем, Ульянов настаивает на несомненном отличии гоголевского Петербурга от пушкинской северной столицы: «В нём нет небес, нет

воздуха, нет дали, в которую можно было бы устремить взор; точно гигантское подземелье; тогда как пушкинский демонизм кажется скорее “светлым”, изящным» (с. 32). Ужас своих поэм Пушкин выводит «из прекрасного, как неотъемлемую часть красоты». Гоголевский же ужас «рассчитан на оцепенение, на подавление ума и чувства, он не из нашего мира выведен, а взят из преисподней, из купола Толедского собора, со средневековых алтарей и росписей, из Апокалипсиса, из Дантова Ада, из церковной проповеди. Это тот страшный суд, который запал ему в душу, когда он четырёхлетним мальчиком слушал рассказ матери о загробных муках» (с. 33).

Нагнетание ужасного и устрашающего в петербургских текстах Гоголя представлялось Ульянову как намеренное принуждение вероятного читателя к убийственно мрачным, «потусторонним», инфернальным нравственно-эстетическим переживаниям. При этом автор явно недооценивал амбивалентность, празднично-комическую природу гоголевского гротеска, на что ещё при жизни Ульянова обратили внимание его внимательные и чуткие читатели⁸.

Примечания

¹ В начале трудных 1990-х годов Н. Н. Ульянова материально и бескорыстно поддержала Научную библиотеку Саратовского государственного университета. Завязалась её интенсивная переписка с В. А. Артисевич (см.: *Ульянова Н. Н. [О В. А. Артисевич] // Библиотечная легенда. К юбилею директора Зональной Научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич / Науч. ред. В. В. Прозоров. Саратов, 1996. С. 213–214*).

² Первоначально опубликовано: *Ульянов Н.* На гоголевские темы. Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1969. № 94. С. 103–112.

³ Письма Н. Н. Ульяновой ко мне хранятся в моём домашнем архиве.

⁴ В. М. Сечкарев в статье «Н. И. Ульянов – эссеист и ученый» высоко оценил статью «На гоголевские темы» из сборника «Свиток» (см.: *Новый журнал*. 1975. № 119. С. 263).

⁵ См.: *Манн Юрий.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 231; *Гришин Г. А.* Пушкин и Гоголь: диалог исследовательских версий в литературной науке XIX–XXI веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

⁶ *Ульянов Н.* На гоголевские темы // *Ульянов Н.* Свиток. Нью-Хевен, 1972. С. 22–33. Далее цит. по этому изд., указывая № стр. в круглых скобках.

⁷ Ср.: «У Ульянова больше всего вызывает презрение житейская пошлость, обывательщина... Опасность и даже апокалиптическая ординарности по-новому освещаются в статье о гоголевском “Носе”, где говорится, что “глупость и пошлость суть условия пришествия в мир тёмных сил”» (*Небольсин А.* Библиография. О «Диптихе» Н. Ульянова // *Новый журнал*. 1968. № 91. С. 288–289).

⁸ Там же. С. 289.